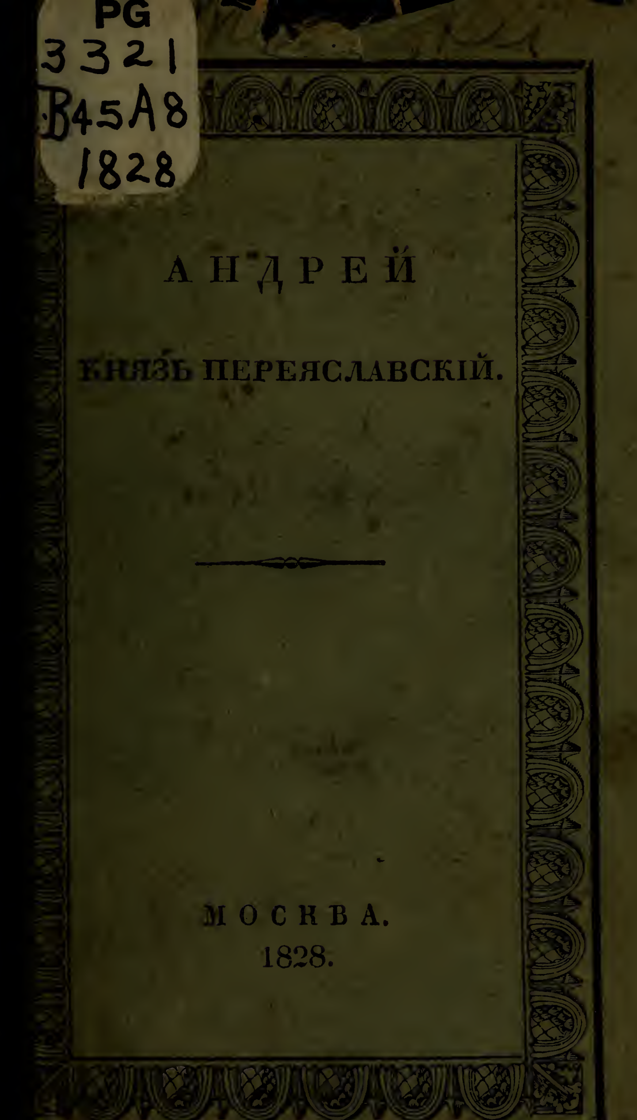

АНДРЕЙ
КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ.
МОСКВА.
1828.

АНДРЕЙ

КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ.

А. А. Бестужевъ (Марлинскій).

Andreĭ, kni͡azʹ Perei͡aslavskiĭ

АНДРЕЙ

КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ.

ПОВѢСТЬ.

[Bestuzhev, Aleksandr Aleksandrovich]

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1828.

Печатать позволяется съ представленіемъ семи экземпляровъ въ Цензурный Комитетъ для казенныхъ мѣстъ. Москва, 1828 г. Февраля 20 го.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дѣйствіе происходитъ вблизи Надунайскаго Переяславля, или въ самомъ городѣ и занимаетъ пять дней времени. Произшествія каждаго дня составляютъ главу.

АНДРЕЙ

КНЯЗЬ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ.

Какъ взоръ любви, или обѣты славы
Плѣнительна святая старина,
Прапрадѣдовъ дѣянья величавы
И тихій бытъ и грозная война!
Призывъ ея чарующій внимая,
Душа гулитъ, какъ арфа золотая!

Минувшее встекаетъ предо мной,
Объятымъ наяву мечтой дремотной:
Богатыри медлительной стопой
Мимоидутъ въ осанкѣ беззаботной.
Я знаю васъ, питомцы древнихъ лѣтъ!
На васъ горитъ бытописаній слѣдъ.

Не разъ меня мечта моя носила
Въ край Галича, на роскошный Дунай . . .
Святслава честь и Царство Даніила —
О, сѣвернымъ мечемъ добытый край! —
Въ поляхъ твоихъ мнѣ чудилися дѣды,
Ихъ бранный гулъ и шумныя побѣды.

Но впили кровь и славу ихъ — поля ,
Ихъ доблести развѣяла чужбина ;
И Русскаго хвалой не веселя ,
Родныхъ пѣвцовъ безмолвствуетъ дружина!
Но лучь упалъ, раздался рокотъ струнъ,—
Какъ по небу далекому перунъ ! . . . .

ГЛАВА I.

ПУТЬ.

I.

Пылая зноемъ, полдень сонной
Лежалъ надъ Русію червонной.
Прильнула тѣнь къ подножью скалъ
Уединеннаго Карпата;
На рѣчкѣ лебедь задремалъ,
Несомъ волной живаго злата,
И подъ огнемъ полдневныхъ стрѣлъ
Путь Византійскій опустѣлъ.
Склоняясь влѣво надъ потокомъ
Съ нагорія, къ Дунаю, онъ
Идетъ въ величьи одинокомъ
Отъ дальнихъ Кіева сторонъ.

Но что за путникъ надъ курганомъ,
Склонясь на боевой топоръ,
Плечо подъ буркою съ колчаномъ,
На тихій путь наводитъ взоръ?
Кто сей другой . . . .
Къ землѣ приникнувъ головою?
Быть можетъ обоихъ ловцовъ
Поутру выманила травля
Изъ ближнихъ стѣнъ Переяславля —
Но съ ними нѣтъ ни соколовъ,
Ни ловчихъ псовъ; ихъ дики взгляды,
На нихъ не Русскіе наряды,
Въ полукафтаньяхъ до колѣнъ,
Въ зеленыхъ туфляхъ, въ шапкахъ чёрныхъ,
И сабли кочевыхъ племенъ,
Ножи на поясахъ наборныхъ . . .
То цвѣтъ разбоя и войны,
То грозныхъ Половцевъ сыны.

II.

Первой Половецъ.

Что видно ль?

Второй Половецъ.

Никого не видно:

Спокойна по дорогѣ пыль

И не шелохнется ковыль,

Всё спитъ.

Первой.

Досадно и обидно;

Мы даромъ болѣе трехъ дней

Отлучены своихъ степей

И милыхъ таборовъ. Не я ли

Тебѣ предсказывалъ, Топазъ,

Что въ этой незнакомой дали

Добыча трудная для насъ;

Въ охрану путниковъ чужбины,

Славянъ и Грецiи гостей,

Даетъ воителей дружины

Князь Переяславскiй Андрей.

Не лучше ль знамена любыя
Избравъ, съ толпою красныхъ женъ
Катить палатки боевыя
За Днѣпръ или за тихій Донъ?

Второй.

Гдѣ жь видѣлъ ты орловъ дубравы
Къ добычѣ стаями полетъ?
Да и на Русь открытъ намъ слѣдъ
Не для добычи, а для славы:
За тѣмъ, что къ золоту ключи
У ней — двуострые мечи.
Намъ дорогъ сталъ въ глуши безслѣдной
Съ дѣтьми Олега бой побѣдной!
Изъ нихъ отважнѣйшій Всевладъ,
Засѣвъ на Кіевскомъ престолѣ,
Съ Князьями, съ нами драться радъ
И въ городахъ, и въ чистомъ полѣ.
А Поволожья стороны,
Въ обиду Половцамъ, едва ли
Князь Володиміра сыны

Дадутъ? Мы это испытали
Въ несчастьи Глѣбовской войны.
Здѣсь то ли дѣло! Край обильной,
Народъ лѣнивъ, народъ богатъ,
И по дорогѣ вѣчно пыльной
Гостей и денегъ перекатъ.
Повѣрь, Кончакъ, пора наступи́тъ:
Мы отобьемъ, что слабый купитъ.

III.

Кончакъ.

Надежды — въ небѣ журавли,
Я ихъ смѣняю на синицу;
Мнѣ горъ жемчужныхъ не сули,
А только въ руки дай златницу.

Топазъ.

Терпѣнье въ грабежѣ, въ бою,
Нужнѣй отваги молодецкой:
Я первый разъ не узнаю
Въ тебѣ привычки Половецкой!

Уже ли, въ гридницѣ Княжой
Полгода выслужа изъ нѣги,
Ты скучилъ волей кочевой,
Ты разлюбилъ свои набѣги?
И степь раздольную смѣнилъ
На душность города могилъ?

Кончакъ.

Топазъ! сомнѣніе напрасно:
На древней Русской сторонѣ
Всего довольно, всё прекрасно,
Да не по сердцу что-то мнѣ.
На ихъ пиры, на ихъ моленья
Дивясь причудамъ я глядѣлъ,
И разгадать я не умѣлъ
У нихъ къ разбойникамъ презрѣнья?

Топазъ.

Позора этаго вина, —
Лѣнивыхъ душъ пустые толки.
За чѣмъ же кóней рѣжутъ волки?
За чѣмъ же беркутъ бьетъ овна?

За чѣмъ всему владыко сила,
И только воля ей законъ?
Пускай намъ платитъ Днѣпръ и Донъ,
Когда насъ брань усыновила!

Кончакъ.

У нихъ одинъ грабежъ — война.

Топазъ.

Глупцы! какъ будто знамена
Ихъ совѣсть съ правдой освѣжаютъ!
Не тѣль опасности и кровь,
Не та ли жъ къ выгодѣ любовь —
Разбой и битвы украшаютъ?
Когда же выпадетъ и намъ
Вернуться къ родовымъ шатрамъ,
Съ добычей золота богатой, —
Сберется любопытный станъ
Вкругъ нашей кровли полосатой,
Самъ на поклонъ пріѣдетъ Ханъ...

И загремятъ веселья чаши
Хвалу счастливымъ удальцамъ ,
И гордо станутъ дѣвы наши
Добро показывать гостямъ :
Ковры , блестящія монисты ,
Насѣчку дивную броней ,
Сафьянъ и черныхъ соболей ,
И узорочья серебристы ! . .
Кто спроситъ, гдѣ они взяты ?
Орканами , иль на щиты ? . . .«

IV.

Воображеніемъ носимой
Предвидитъ Половецъ — возвратъ ,
Привѣтливость семьи родимой
И лепетанье Половчатъ.
Жены любезной кликъ онъ внемлетъ ,
Ее даритъ , ее обьемлетъ ;
Малютка , сынъ его , кругомъ
На саблѣ прядаетъ верхомъ —

Въ немъ таетъ сердце ретивое,
Течетъ потокъ неслышныхъ слёзъ . . .
Очнулся онъ. . . Дремалъ утёсъ
И всё окрестное въ покоѣ.

Т о п а з ъ.

Чу! звонъ копытъ! вставай, Кончакъ!
Намъ будетъ выгодное дѣло,
Готовь разрывчатой сайдакъ.
Ты видишь: Руской ѣдетъ смѣло!

К о н ч а к ъ.

Какъ жаръ подъ золотомъ броня,
Какъ макъ разцвѣлъ шеломъ хвостатой;
Одинъ уборъ его коня —
Намъ будетъ славною заплатой.

Т о п а з ъ.

Не позабудь и крѣпость плечь,
Не позабудь булатный мечь!

Кончакъ.

Клянусь мечемъ, домой поскачетъ
Не празденъ удалой бѣгунъ!
Или жена меня оплачетъ,
И волкъ разгонитъ мой табунъ!

Топазъ.

Метнемъ — ка жеребій: не мнѣ ли
И первой бой, и главной пай?
Смотри: златницы полетѣли —
Падутъ — упали — выбирай:
Лицемъ копье или рѣшотка?

Кончакъ.

Постой — рѣшотка —

Топазъ.

Угадалъ,
Передъ тобой твоя находка!

Кончакъ.

Дождался я, чего желалъ.

Т о п а з ъ.

Знай, если путникъ на долинѣ
Не отдохнетъ въ полдневной жаръ,
Мы, изъ-за камня, въ той стремнинѣ
Внезапный совершимъ ударъ.
Пора!»

Исчезли. Высь кургана
Пустая днемъ озарена,
Незыблемы верхи бурьяна,
По холмамъ сонъ и тишина —
И мнилось, древняя могила
Сыновъ разбоя поглотила.

V.

И вотъ, гдѣ Лебедемъ — рѣкой
Охваченъ круто лѣсъ дубовый,
Съѣзжаетъ Витязь молодой —
И бросилъ повода шелковы,
Плѣненъ пустынною красой. —
Хребта Карпатскаго вершины

Пронзали синеву небесъ,
И оперялъ дремучій лѣсъ
Его зубчатыя стремнины.
Обло́женъ степенями горъ,
Разцвѣлъ узорчатый ковёръ
Развитой по низу долины;
И вдаль — прелестенъ, одинокъ
Змѣился Лебедя потокъ;
Въ него плакучія берёзы
Роняли утреннія слёзы,
И подъ наклонъ младыхъ ракитъ,
Подъ сѣнолиственныя ивы,
Потокъ задумчивый катитъ
Невидимо струи лѣнивы —
То померкая, то порой
Лучемъ измѣнчивымъ сверкая,
Онъ точно лента голубая
Подернутъ битью золотой,
И яръ песокъ, по оба края
Лежитъ перловой бахрамой

VI.

И грустно видитъ сей воитель:
Съ холма отшельниковъ обитель
Въ струяхъ глядится; но она
Разрушена, попалена,
И опустѣла отъ набѣговъ
Неукротимыхъ Печенѣговъ.
Вотъ съ утомленнаго коня
Спрянулъ, кольчугою звѣня;
Копье и мечь и щитъ тяжелой
Слагаетъ на луку сѣдла.

Кругомъ, бредучею стопою
Развалины обходитъ онъ:
Ихъ дикій плющь со всѣхъ сторонъ
Облекъ узорной пеленою,
И сводовъ гордое чело
Травой и мохомъ поросло.
Вездѣ видна печать пожара,
Вездѣ рѣка его текла,

Здѣсь токи мѣди и стекла,
Тамъ своды треснули отъ жара,
Главъ нѣтъ; къ отверстымъ небесамъ
Какъ благовонное кадило
Шиповникъ льетъ свой ѳиміамъ
И вѣетъ вѣтеръ легкокрылой
По онѣмѣвшимъ алтарямъ, —
И тамъ, гдѣ благовѣстъ моленья
Будилъ далекія селенья,
Всё тихо, благодатный гулъ
Навѣкъ въ развалинахъ уснулъ.

VII.

Вступаетъ Витязь на кладбище,
Усопшихъ братій пепелище;
Объятъ невѣдомой тоской,
Онъ сѣлъ на камень гробовой,
Повелъ задумчивые взгляды
Вдоль полурухнувшей ограды,

И такъ, опершися на мечь,
Съ самимъ собой заводитъ рѣчь:
»О время, Ангелъ истребленья,
Дѣяній, зданій старины!
Хоронишь ты въ степи забвенья
Великихъ мира и войны;
И лишь случайно, лишь украдкой
Одно изъ тысячи именъ —
Обломокъ на пути временъ,
Покрытый басенной догадкой —
Вѣкуетъ мѣтою племенъ.
Какъ звонъ трубы стихаетъ слава,
Какъ башня падаетъ держава.
И я. . . Домолвить онъ не могъ,
Волнуетъ грудь зловѣщій вздохъ,
Упали долу взоры ясны;
И видитъ онъ, въ травѣ, въ пыли
Забытый черепъ на земли;
И обновленья сынъ прекрасный,

Небесъ летающій цвѣтокъ,
Надъ нимъ порхаетъ мотылёкъ! . . .

VIII.

Какъ путнику, по ночи хладной,
Сквозь пологъ дожденосныхъ тучь
Блистаетъ первый солнца лучь,
Даря надеждою отрадной:
Такъ, убѣжденьемъ озарёнъ,
Въ душѣ своей мечтаетъ онъ:
»На свѣтѣ нѣтъ уничтоженья;
Вездѣ истлѣнія звѣно
Рукой святаго Провидѣнья
Съ перерожденьемъ сцѣплено.!
Въ цвѣту конечно тлѣнъ таится,
Но въ тлѣнныхъ зернахъ спѣетъ плодъ
И небо росу имъ ліётъ;
И жизнь и смерть потокомъ водъ
На лоно вѣчности катится.

Упали стѣны — грозный слѣдъ
Людей и времени побѣдъ ;
Промчалось гибельное пламя
По сводамъ тихаго жилья . . .
Но вѣетъ обновленья знамя
Надъ ними вѣткой былія ;
И корнемъ плиту разрывая
Взбѣгаетъ ясень молодая. . .

IX.

Такъ рано ль , поздно ли , съ коня
Сорветъ кончина и меня ;
Въ сосновыя одѣнетъ латы,
Въ могильный уберетъ шеломъ ,
И подземельныя палаты
Задвинетъ каменнымъ щитомъ,
И слава имени Романа ,
Какъ съ дальнихъ горъ вѣнецъ тумана ,
Растаетъ , высохнетъ росой ! . . .
Но какъ на башнѣ дубъ зеленой ,

Какъ цвѣтъ надъ мертвой головой —
Я разцвѣту, и славы бренной
Покинуть прахъ не захочу;
Подобно чистому лучу,
Купаясь въ наслажденьяхъ новыхъ,
На ясныхъ крыльяхъ мотыльковыхъ
Прочь улетитъ душа моя
Въ семинебесные края!«
Всталъ Витязь, хладною струёю
Лице горящее омылъ;
Потомъ заботливой рукою
Коня изъ шлема напоилъ,
Уздѣчку снялъ, и конь на волѣ —
Муравку щиплетъ въ чистомъ полѣ.
И вотъ, склонясь передъ мечёмъ,
Творитъ обычныя молитвы;
И сладостно вкусилъ потомъ
Добычу утренней ловитвы;
И на роскошную траву,
Въ тѣни черемхи благовонной,

Отягощенную главу
Склонилъ воитель утомлённой , —
И на нее слетаютъ сны
Подъ шумъ ключей', подъ стукъ желны.

X.

Проснись ! убiйца надъ тобой ,
Неслышной медяницей вьется ,
Сверкаетъ сталью роковой ! . . .

Кончакъ.

Онъ крѣпко спитъ !

Топазъ.

И не проснется !
Однако ты , храня доспѣхъ ,
Руби по шеѣ обнаженной :
Цѣннѣй и соболиный мѣхъ
Нигдѣ стрѣлами не пронзенной.
Не промахнись , товарищь мой ,
На похвальбу родному краю ,

А я поспѣшною рукой
Коня Боярскаго поймаю !«
Вскипѣло сердце Кончака :
Онъ , блескомъ золота плѣненной ,
Подобно волку въ два прыжка
Достигнулъ жертвы усыпленной.

XI.

И между тѣмъ въ зловѣщемъ снѣ
Романъ несется на конѣ ,
Въ одеждѣ легкой звѣролова :
Одинъ въ заповѣдныхъ лугахъ
Онъ травитъ буйвола Княжова ;
Уходитъ звѣрь въ его глазахъ ,
И , по слѣдамъ напрасно лая ,
Отстала выжлица лихая ;
Но всё быстрѣй , впередъ , впередъ ,
Охотникъ смѣлый наддаетъ —
И въ лѣсъ подъ Кіевомъ дремучій
Усталый волъ его ведетъ
Сквозь мракъ елей, сквозь тернъ колючій

И мыслитъ онъ: «Ты мой теперь!«
Ужь поразить Буйтура хочетъ . . .
Вдругъ сталъ освирѣпѣлый звѣрь,
Реветъ, о камень роги точитъ,
Съ ноздрей огнистый паръ летитъ,
И пыль столбомъ изъ-подъ копытъ, —
И эхо по лѣсу грохочетъ;
Сразились, — смерть невдалекѣ;
Споткнулся конь — булатъ въ рукѣ,
Въ груди стенанье замираетъ —
И злобно падшаго врага
Подъемлетъ буйволъ на рога,
И къ небу яростно кидаетъ!...
Летитъ, летитъ....

XII.

И новый сонъ
Его на крылья принимаетъ:
Свои дружины видитъ онъ.
Подъ занавѣсой ночи тёмной

Какихъ - то горъ синѣетъ высь;
О стягъ отечества огромной
Стоитъ онъ, грустно опершись;
И, съ тихой пѣснію прощальной,
Копьемъ добытое добро
Младые воины печально
Колчаномъ дѣлятъ серебро.
И близь него, передъ шатрами,
Любитель браней и забавъ
Ликуетъ съ смѣлыми вождями
Князь Новагорода Мстиславъ:
Друзья Романа, какъ чужіе,
Сидятъ, не измѣнивъ лица,
И меду чаши круговыя
Обносятъ мимо пришлеца.

Но вотъ, съ насмѣшливой улыбкой,
Мстиславъ блѣднѣя возстаетъ,
И витязю рукою зыбкой
Заздравный кубокъ подаетъ.

»Пѣй! молвитъ онъ, за дружбу нашу,
За неизмѣнную любовь! —
За брата Всеволода вновь!«
Романъ взглянулъ въ златую чашу,
Въ ней кровь кипитъ, а не вино.
Вдругъ громъ ударилъ сквозь тумана
Въ чернозлатое знамено —
И съ трескомъ рухнуло оно
На изумленнаго Романа!
По холмамъ грянулъ грозный кликъ,
Какъ воетъ боръ, какъ плещетъ море.
Дружины вопятъ: »Горе! горе!«

XIII.

Романъ испуганный возникъ,
Опасность видитъ и съ размаха
На встрѣчу кинулся безъ страха.
Схватились — прочь летитъ топоръ;
Плечо въ плечо, нога съ ногою,

Какъ два потока вешнихъ горъ,
Они сливаются борьбою.

Межъ тѣмъ, покинувъ бѣгуна,
Спѣшитъ Топазъ на бой неравной;
Уже стрѣла наведена,
Грозя погибелью безславной...
Прочь витязь! иль тройную сталь
Она сломаетъ какъ хрусталь!
Внимай! рога у лука взвыли,
Ударомъ тетива звучитъ,
Стрѣла пернатая свиститъ...
Кому-то пасть судьбы судили?..
Падетъ, падутъ, какъ градъ въ грозу:
Вверху Романъ, Кончакъ внизу.
Стрѣла на вѣтрѣ измѣнила
Неотразимой свой полётъ,
И въ грудь собрату угодила;
Топазъ пустился на уходъ.

Межь тѣмъ, избавленный ошибкой,
Надъ умирающимъ склонёнъ
Внимаетъ съ мрачною улыбкой
Разбойника тяжелый стонъ, —
И въ сердце жалость проникаетъ·
Онъ хочетъ павшему помочь,
Напрасно! взоръ его смыкаетъ
Неразсвѣтающая ночь! —
Долину витязь покидаетъ.

XIV.

XV.

Всходила туча роковая
Надъ тихой Галича страной,
И закипѣлъ потокъ Дуная
Подъ Переяславской стѣной.
Какъ бранный щитъ, въ крови омытый,
Запало въ тѣнь свѣтило дня,
И одичалые граниты
Вдали сверкаютъ безъ огня.
Олень, испуганъ крыльевъ шумомъ,
Прянулъ съ Перуновой скалы,
И на челѣ ея угрюмомъ
Слетѣлись горные орлы;
Бушуетъ боръ, ущелье воетъ
И вихорь цѣпь Карпата роетъ,
И громъ катится вдалекѣ.
Но вотъ ярящимся Дунаемъ,
То видимъ, то опять скрываемъ,
Ловецъ плыветъ на челнокѣ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокой,
Какъ лебединое крыло,
И грустенъ путникъ ясноокой;
У ногъ колчанъ, въ рукѣ весло.
Но, съ беззаботною улыбкой,
Летучей пѣной орошёнъ,
Безтрепетно по влагѣ зыбкой
Порывомъ бури мчится онъ,
И внемлетъ прибере гъ окольной
Напѣвы пѣсни произвольной:

XVI.

Пѣсня.

Покатись попутный валъ,
Заиграй мое вѣтрило:
Я на ловлѣ опоздалъ, —
Не увижу Лады милой.

Стонетъ сизая волна
На раздоліи широкомъ:
Видно милая грустна
Въ пышномъ теремѣ высокомъ!

Воздухъ, бурею дыша,
Носитъ капли дождевыя:
Знать поплакала душа,
Знать журятъ ее родныя!

Только выйди на лужокъ
Мыться утренней росою; —
Упаду, какъ голубокъ,
Передъ дѣвицей - красою?

Улетитъ любви гроза
Съ неба радостныхъ свиданій,
И съ ланитъ сойдетъ слеза
Отъ плѣнительныхъ лобзаній!

Счастья выглянетъ цвѣтокъ . . .
Валъ играй, лети челнокъ!«

XVII.

Безумный! черпаетъ ладья,
Пловецъ! руби свое вѣтрило:
Пусть колыбель тебѣ — ладья;
Но бездна можетъ быть могилой.

Скорѣй! — Ужь поздно; заплескалъ
Надъ челномъ бѣлогривый валъ . . .
Прости веселіе столицы,
Любовь родныхъ, друзей мечты
И Лады свѣтлыя зеницы! —
Еще простите! — гибнешь ты!
Въ туманѣ городъ — брегъ далеко.

Летитъ ѣздокъ во весь опоръ.
Достигнувъ берега Дуная,
Презрѣвъ утесистую круть,
Коня уздою понуждая,
Онъ скачетъ въ глубину прянуть.
Вотще! уперся конь ретивой,
Храпитъ, крушится на дыбы —
Но дерзокъ витязь — несчастливой
Не миновать ему судьбы;

Ѣздокъ всѣ силы напрягаетъ,
Стремитъ — и снова поскакавъ
Съ утеса падаетъ стремглавъ,
И шумно въ брызгахъ исчезаетъ.

XVIII.

Гдѣ — гдѣ, потокомъ унесенъ,
Возникъ онъ, бронею сверкая,
И вдаль плыветъ на тихій стонъ,
Со шлема влагу отрясая;
Перунъ окрестность озарилъ,
Онъ тамъ; онъ юношу схватилъ
И вспять! Подъ ношею двойною
Погрузнувъ добрый конь хрипитъ,
Валы ревутъ надъ головою,
Вода въ ушахъ его журчитъ;
Надъ нимъ летаютъ смертны тѣни, —
Не вѣдалъ витязь удалой,
Тебя стремя̀ въ пылу сраженій
Неотразимою стрѣлой,

Не мнилЪ, чтобЪ влажная могила
Твой быстрый бѣгЪ укоротила.
Спасайся, витязь! нѣтЪ коня,
Грузна кольчатая броня.
Покинь ловца на Божью волю,
Тебѣ сЪ нимЪ кЪ брегу не доплыть! . . .
Но нѣтЪ! ты хочешь раздѣлить,
А не оплакать злую долю.
ОбнявЪ утопшаго, пловецЪ
ГребетЪ вЪ усиліи усталомЪ;
И, тяготѣя какЪ свинецЪ,
По немЪ катится валЪ за валомЪ;
Ужь цѣпенѣющая грудь
Едва взрываетЪ пѣнный путь;
Напрасно дланью безполезной
Раздвинуть хочетЪ онЪ волну —
ОнЪ поглощаемЪ алчной бездной,
ГотовЪ погрузнуть вЪ глубину;
Но берегЪ близко — вЪ лонѣ тучи
Проторгся молніи потокЪ,

И мутный валъ, какъ змѣй шипучій,
Извѐргъ обоихъ на песокъ;
Тамъ полумертвы, утомленны,
Лежатъ спаситель и спасенный.

XIX.

Но вотъ по берегу спѣшитъ
Бояринъ, гдѣ-то запоздалый,
Его заботливъ грозный видъ,
Бѣлѣетъ пѣной конь усталый,
И, шапку приподнявъ рукой,
Съ нимъ рядомъ скачетъ стремянной,
Въ лице имъ градомъ поражая,
Вихрь ѡпашни сдуваетъ съ плечь,
Но всадники, не замѣчая
Между собою держатъ рѣчь:

Бояринъ.

Благодарю за добры вѣсти,
Нашъ заговоръ идетъ на ладъ:
Что Любомиръ свершитъ изъ мести,
Оллай за деньги сдѣлать радъ.

Но что поетъ медлитель вѣчный
На это Янъ, племянникъ мой?

Стремянной.

Онъ шлётъ къ тебѣ поклонъ сердечный —
И тайной подвигъ роковой
Желалъ бы раздѣлить съ тобой . . .

Бояринъ.

Да не желаетъ? Всё возможно
Тому, кто дерзостенъ не ложно.

Стремянной.

Что будто ратники его
Далеко разбрелись по краю;
Что онъ на Князя своего
И самъ бы прямо по Дунаю
Къ тебѣ душою прилетѣлъ. . . .

Бояринъ.

Слова безъ дѣлъ, что лукъ безъ стрѣлъ!
Не души, а мечи намъ нужны.
Ничтожный трусъ! но почему
Ты не открылъ союзъ окружный
Въ словахъ заманчивыхъ ему?
Нашъ кругъ великъ, друзья надёжны,
Къ намъ шайки Половцевъ идутъ,
И Польскіе Паны вельможны,
Охотно руку подаютъ.
И ждетъ блестящая награда
Бояръ — сторонниковъ Всевлада;
Онъ самъ съ полками Кіевлянъ
Обляжетъ городъ какъ туманъ;
Андрей падетъ, получитъ снова
Санъ Тысяцкаго Любомиръ;
И власть друзьямъ моимъ готова
И шумный пиръ на цѣлый міръ.

Стремянной.

Я говорилъ ему всё это;
Но сердце замкнутое льдомъ,
Надеждою не разогрѣто.
Совѣтуетъ, любя твой домъ. . .

Бояринъ.

Не домъ мой, клѣть свою онъ любитъ;
Но я совѣтовъ не люблю;
Пусть только Всеволодъ затрубитъ
Племянничка повеселю;
Кто не подастъ мнѣ длани братней,
Не уцѣлѣетъ въ голубятнѣ!
Я врагъ приятелямъ такимъ!

XX.

Стремянной.

Всего сильнѣй его пугаетъ,
Что Князь гражданами любимъ.

Бояринъ.

Трусъ и во снѣ бѣду встрѣчаетъ!
Зачѣмъ такимъ людямъ дано
Копье, а не веретено?
Ужель не вѣдаетъ причины
Моихъ надеждъ племянникъ мой?
Скучаютъ смѣлыя дружины
Миролюбивостью Княжой.
Имъ нѣтъ бывалаго раздолья
Отъ поселянъ и отъ наполья;
Въ бѣдѣ ихъ не любовь страшна;
Любовь народа не сильна:
Народъ на воздухъ рѣчи тратитъ,
Но вѣчно стерпитъ, всё заплатитъ,
Надеждой перемѣны сытъ.
Но Янъ пугливѣе синицы,
Когда военной славы щитъ
Смѣнялъ на блюдо чечевицы!

Нѣтъ проку смѣлому въ роднѣ;
И коловратная судьбина,
Какъ будто насмѣхаясь, мнѣ
Такогожъ даровала сына:
Онъ любитъ жить по старинѣ,
О дѣвахъ пѣть, звучать струною,
А не наѣздной тетивою;
Ему чужая месть моя:
Онъ Князя любитъ, Княземъ дышитъ,
Ему онъ вторитъ, имъ онъ слышитъ!
Отъ сына утаился я.
Онъ на конѣ узнать успѣетъ,
Когда гроза вполнѣ созрѣетъ —
Онажь близка — ее зову
Къ себѣ въ мечтахъ и наяву.
Внимай! чуть мѣсяцъ златорогой
Потонетъ въ небѣ голубомъ, —
Непротоpенною дорогой,
Гдѣ стременомъ, гдѣ колесомъ
Ты оскачи друзей кругомъ.

Скажи имъ вѣстовое слово :
,,Мечемъ помѣряться пора :
Въ Переяславлѣ всё готово
На праздникъ Павла и Петра :»
Тогда съ разсѣянной дружиной
Пускай они со всѣхъ сторонъ ,
На пиръ стекутся имянинной —
Младому Князю на поклонъ.
И въ сердцѣ радостнаго града ,
Въ кругу пирующихъ гостей
Сверкнетъ булатъ — гроза вождей ,
Съ нежданнымъ кликомъ : »За Всевлада !«
И кровь , и пламя , и набатъ ,
Паденье Князя возвѣстятъ !

XXI.

Утихло. Мутные потоки
Шумятъ , промоины бразздя ;
Благоухая лѣсъ далёкій
Слезится каплями дождя.

Лилеи въ красотѣ обновки
И скромныя *нетронь меня*
Подъемлютъ свѣжія головки.
Вдругъ путникъ осадилъ коня:
»То не мечталь воображенья,
Или очей моихъ обманъ?
Передо мной, какъ привидѣнья
Двѣ тѣни сквозь ночной туманъ
Текутъ невѣрною стопою...
Одинъ въ бронѣ; къ его плечу
Другой поникнулъ головою!
Я съ ними свѣдаться хочу
Иль по кресту, иль по мечу!«
Домчалися тропой знакомой.
Имъ въ очи Любомиръ глядитъ...
И кто же витяземъ ведомый?
То сынъ его — то Свѣтовидъ!
Но прежде пышныя ланиты
Завѣсой блѣдности покрыты;

И съ золотыхъ его кудрей
Вода сбѣгаетъ какъ ручей!

XXII.

Какъ сына милаго утѣшно,
Какъ нѣжно въ радости своей
Лобзаетъ Любомиръ поспѣшной,
И вдругъ чувствительность сокрывъ,
Чело въ суровость облекаетъ;
Любви отеческой порывъ
На кроткой выговоръ мѣняетъ;
Но льются плавною рѣкой
Спасителю благодаренья.
Склонился воинъ молодой
На искренніи предложенья,
И весело они, втроёмъ,
Спѣшатъ въ гостепріимный домъ.
Сверкаютъ имъ сквозь сумракъ парной
Церквей злаченые кресты,
И озаряетъ лучь янтарной

Переяславля высоты,
И вотъ стѣна его за ними.
Внимая лаю чуткихъ псовъ,
Они проулками пустыми
Текутъ посереди садовъ.
Уже вблизи на домъ красивой
Лучина я́ркой свѣтъ ліетъ
И у рѣшетчатыхъ воротъ
Мать нѣжная нетерпѣливо
Избавленнаго сына ждетъ —
И вотъ на грудь свою пріяла
Надежду, свѣтъ ея очей,
И восхищенная взрыдала,
Забывъ привѣтствовать гостей. —
И надъ покорною главою,
Отрадной, сладостной рѣкою
Струи чистѣйшихъ слезъ текли. . .
О радости невинной слёзы!
Вы перлы на земной пыли —
Вѣнокъ росы на почкахъ розы —

Поминка неба на земли
Съ тѣхъ поръ, какъ Ангельская сила,
Звѣздой падучей съ высоты —
На землю юную сходила
По зову тлѣнной красоты!

XXIII.

Они ступенями рѣзными
Идутъ на красное крыльцо,
Привѣтомъ брякнуло кольцо —
И набожно передъ Святыми
Творятъ поклоны пришлецы.
Блестя каменьями цвѣтными
По образамъ горятъ вѣнцы
Среброчеканнаго оклада;
И блѣднымъ теплится лучёмъ
Неугасимая лампада,
Какъ мѣсяцъ на небѣ ночномъ.
Вкругъ стѣнъ широкія бесѣды
Хрущатой обвиты камкой,

И по коврамъ висятъ грядой —
Доспѣхи ловли и побѣды,
Уборы дикой красоты:
Мечи, багряные щиты,
И самострѣлы и колчаны;
Тамъ блещетъ боевой топоръ,
Тамъ шестоперы и чеканы,
Тамъ витязя дивитъ узоръ
По шлему золотой насѣчки,
То многоцѣнныя уздѣчки,
То збруи жемчугомъ наборъ.

XXIV.

Межъ тѣмъ для гостя дорогова,
Храня обычай старины —
Ужь баня пышная готова;
Ковры стезей разостланы,
И распахнулась дверь тесова;
Уже привѣтливо журча,
Въ дыму, алмазами сверкая,

Въ чанъ кипарисной два ключа
Падутъ, и жаръ и хладъ сливая.
На каменку шипучій мёдъ
Волной обильною течётъ
И дышитъ съ камней млечной тучей
Паръ благовонный и летучей,
Вѣнцомъ объемля огонёкъ.
И вотъ, увлаженный парами,
На нѣгу томную полокъ
Манитъ душистыми травами;
Березы вѣтьви сладкій зной,
Какъ опахаломъ, навѣваютъ,
Всѣ члены, льстимые рукой,
Въ благоуханной пѣнѣ таютъ.
Онъ сходитъ внизъ, огнемъ горя —
Изъ чаши бронзовой, отрадно
Течетъ на грудь богатыря
Рѣка воды струею хладной, —
И путникъ свѣжъ выходитъ вонъ
Какъ мѣсяцъ моремъ возрожденъ.

XXV.

Опять онъ въ горницѣ красивой;
Ему лилейною рукой
Сѣнная дѣвушка стыдливо
Подноситъ гребень золотой.
За ней идетъ хозяйка дома
Въ жемчужной кикѣ, въферезяхъ,
Въ лицѣ ея видна истома,
Но доброта въ ея очахъ,
Любовь ко сыну, къ мужу страхъ.
Смиренно кланяясь, подходитъ
Къ Роману съ чарою вина,
Откушать проситъ, и заводитъ
Слова привѣтныя она:
Повѣдай: волей иль неволей,
Иль молодецкою охотой,
Иль буйнымъ вѣтромъ занесенъ
Въ Переяславль съ какихъ сторонъ?
Кто Ангелъ твой? кто твой родитель?

Да знаемъ гостя величать,
Да возмогу тебя, воитель —
Въ своихъ молитвахъ поминать?
Романъ отвѣтствуетъ ретиво:
Прости, боярыня, меня,
Что отложу отвѣтъ правдивой
О томъ до будущаго дня.
Сказать кто я — теперь не смѣю,
Лгать не могу и не умѣю!«

XXVI.

Склонивъ къ супругѣ мрачный взоръ
Бояринъ входитъ въ разговоръ:
»Храни, о витязь, имя тайно:
Какое дѣло вѣдать мнѣ,
Съ намѣреньемъ или случайно
Ты сталъ на нашей сторонѣ;
Мой гость — мой братъ; ему обида —
Обида мнѣ; но ты одинъ
Младой хранитель Свѣтовида

Здѣсь полномочной властелинъ.
Подъ тѣнью крова Любомира
Какъ подъ щитомъ своихъ дружинъ
Ты невредимъ отъ злобы міра,
Хотя бы, гнѣвомъ распалясь,
Тебя преслѣдовалъ самъ Князь.
Дай руку мнѣ, приятель новой;
Вотъ хлѣбъ и соль, чѣмъ Богъ послалъ.»
Богато убранъ столъ дубовой
И брызжетъ дѣдовскій бокалъ.
Ужь беззавѣтными рѣчами —
Сердца отверсты; медъ кипитъ
И неразлучными друзьями
Встаютъ Романъ и Свѣтовидъ.
И гостю на медвѣжьей кожѣ
Походное готовятъ ложе.
Но между тѣмъ пѣвецъ младой
За гусли звонкія садится,
И звукъ подъ легкою рукой
За перекатами струится —

Звучнѣй, звучнѣй — и съ ними въ ладъ
Стихи небрежные звучатъ.

XXVII.

»Успокойся путникъ юный,
Ты разбитъ и утомлёнъ;
На тебя златыя струны
Назвѣнятъ глубокій сонъ.

И приникнувъ къ изголовью
Сновидѣній красота
Обойметъ тебя съ любовью
Тихокрылая мечта.

Чаровница за собою
Уманитъ и уведётъ:
Ступишь легкою стопою
На коверъ на самолётъ.

И завѣтною долиной
Вдаль за тридевять земель,
Съ быстротою соколиной
Упорхнетъ душа отсель.

Вкуситъ витязь черноокой,
На брегу родимыхъ струй,
Отъ красавицы жестокой
Полуданной поцѣлуй!

Иль внося побѣду въ сѣчу —
Выторгнетъ твоя рука
Знамя — гибели предтечу
Изъ желѣзнаго полка!«

Звонъ гуслей тихо замираетъ,
Какъ будто лѣтній вѣтерокъ
Плѣненный розою, вздыхаетъ;
Какъ будто ропотный потокъ

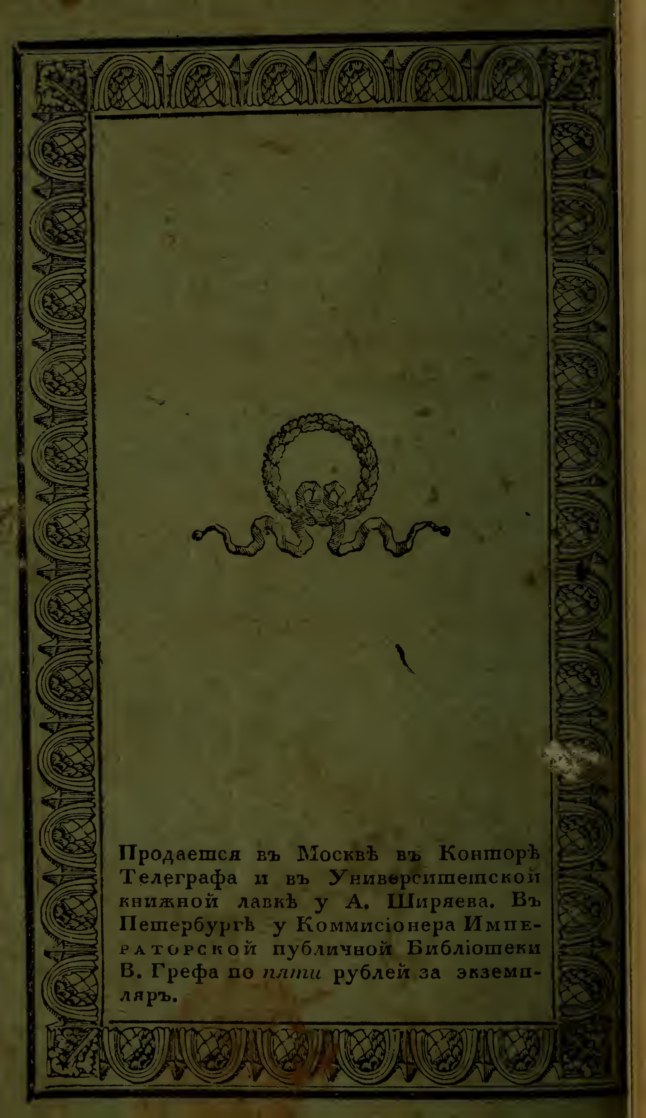
Брега жемчужные лобзаетъ.
Задернутъ пологъ кружевной
Гостепріимною рукой. —
Какъ льется мгла росою ночи
На жаждущій отъ зноя макъ,
Дремота канула на очи
Усталаго пришельца. Такъ
Онъ, свѣтлой совѣстью хранимый,
Вкушаетъ сонъ невозмутимый.

ПРИМѢЧАНІЯ.

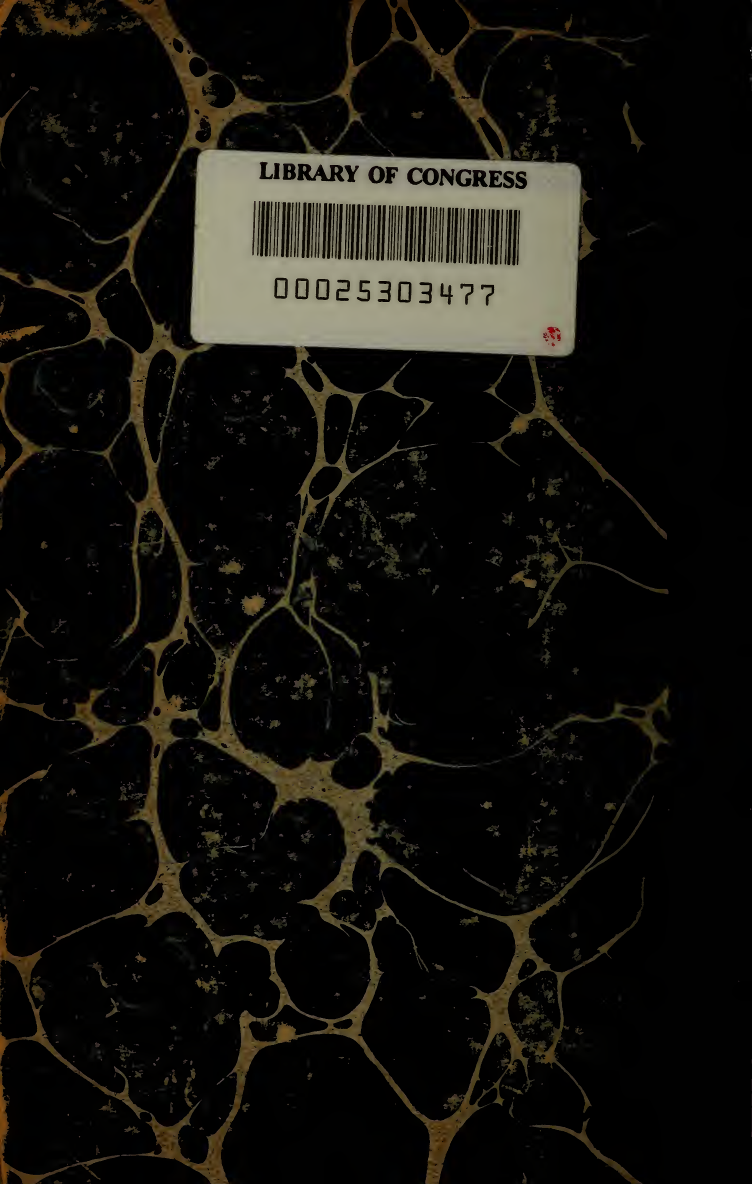
1. Отъ Червена произошло имя *Червенной Россіи*, которую Иностранцы обратили въ *Красную*. Сей, въ нашей Исторіи достопамятный городъ есть нынѣ простое селеніе и называется Чернеевъ, близь Хелма на Югъ. *См. Истор. Госуд. Россійск. Карам. Ч. I. стр.* 444.

2. *Шестоперъ* — тоже что и буздыханъ или пернатъ. *См. Москва или Историческій путеводитель* 1827. *Часть II. стр.* 215. На толстомъ концѣ булавы обыкновенно для украшенія изображались посредствомъ рѣзьбы перья. Такъ какъ ихъ было шесть, то отъ сего булава и получила названіе *Шестопера*. См. Friedr. v. Adelung's Herberstein St. Petersburg. 1818. Стр. 195.

3. *Ферезъ* или *Ферезея*. Такъ называлось спереди застегнутое довольно широкое платье безъ рукавовъ, которое носили боярыни и ихъ дочери (тоже, что у простыхъ сарафанъ.) См. *Москва или Историческій путеводитель* 1827. *Ч. I. стр.* 267.

Продаешся въ Москвѣ въ Конторѣ Телеграфа и въ Университетской книжной лавкѣ у А. Ширяева. Въ Петербургѣ у Коммисіонера Императорской публичной Библіотеки В. Грефа по *пяти* рублей за экземпляръ.

LIBRARY OF CONGRESS
00025303477